

© 2008 г.

В.В. СОКОЛОВ

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ в 20-е годы XX века

Российская историческая наука обогатилась новым, только что изданным сборником документов по становлению советско-японских отношений. Дипломатическая история советско-японских отношений нашла свое довольно полное отражение в издании, подготовленном МИД, "Документы внешней политики СССР", насчитывающим 24 тома. Новый же сборник документов в двух книгах "Москва – Токио. Политика и дипломатия Кремля"¹, задуманный его авторами и составителями под руководством академика Г.Н. Севостьянова, призван показать несколько иной аспект, а именно процесс принятия внешнеполитических решений в СССР. Он содержит прежде всего документы Политбюро и Секретариата ЦК РКП/ВКП(б), Наркоминдела и других правительственных органов, касающихся всестороннего развития советско-японских отношений в 1921–1931 гг.

Сотрудники Института всеобщей истории и Института российской истории РАН проделали колоссальную работу по выявлению и отбору важнейших документов из Архива Президента Российской Федерации, отражающих нелегкую борьбу российской дипломатии за прекращение японской интервенции на Дальнем Востоке, установление дипломатических и консульских отношений между двумя странами, налаживание политического и особенно экономического сотрудничества. Как показывают многочисленные документы, находившиеся ранее на секретном режиме хранения, от молодой советской дипломатии потребовались большие усилия и настойчивость, чтобы убедить правящие круги Японии отказаться от интервенционистской политики в отношении России, которую они проводили в течение ряда лет.

Сборник открывается интересным документом – постановлением пленума ЦК РКП(б) от 1 января 1921 г., в котором говорилось: "Признать советизацию Дальневосточной республики безусловно недопустимой в настоящее время, равно как недопустимым какие бы то ни было шаги, способные нарушить договор с Японией" (кн.1, с. 11).

Многие в наши дни могут даже не знать о существовавшей с санкции Москвы Дальневосточной республике (ДВР), провозглашенной 6 апреля 1920 г. левыми силами в г. Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ) в Прибайкалье. Целью ее создания было образование своеобразного буфера между Советской Россией и вторгшимися на российский Дальний Восток войсками интервентов, прежде всего Японии.

17 июля 1920 г. между ДВР и Японией путем обмена нотами было достигнуто соглашение, согласно которому Япония признавала существование ДВР, а тем самым и ее юрисдикцию на всей территории российского Дальнего Востока. Таким образом, ДВР становилась субъектом международного права. Однако самостоятельная политика правительства ДВР, направленная на защиту национальных интересов, не устраивала Японию, преследовавшую лишь свои экспансионистские цели в политике и экономике.

Соколов Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, специалист по международным отношениям и внешней политике СССР и России.

¹ Москва – Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931 гг. Сб. док. Отв. ред. академик Г.Н. Севостьянов, кн. 1, 756 с.; кн. 2, 460 с. М., 2007.

Сговорившись с представителями компрадорских кругов российского бизнеса, японцы в конце мая 1921 г. свергли власть правительства ДВР во Владивостоке и в ряде других городов Приморья и поддержали созданное буржуазное правительство во главе с братьями С.Д. и Н.Д. Меркуловыми. Японские позиции на российском Дальнем Востоке в связи со свершенным правительственным переворотом на короткое время значительно окрепли.

Это понимали в Москве и не совсем учитывали в правительстве ДВР, которое сохраняло власть на обширной территории Дальнего Востока и по-прежнему пыталось заинтересовать японских деловых людей в экономическом сотрудничестве с ДВР.

В докладной записке наркома иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову от 18 июня 1921 г. говорилось: "Коллегия НКВД считает недопустимым и крайне вредным и опасным вступление в какие бы то ни было переговоры с японским правительством". С такой оценкой был согласен и В.И. Ленин (кн.1, с.13–14).

Через несколько дней Чичерин конкретизировал свою позицию, указав, что предоставление концессий японцам со стороны ДВР "недопустимо, пока Япония не очистит всей без исключения территории ДВР... и не восстановит дипломатических отношений с ДВР и РСФСР" (кн.1, с.15).

Одновременно Москва, стремясь выйти из внешнеполитической изоляции и добываясь так необходимого для России налаживания экономического сотрудничества с другими странами, заключила 16 марта 1921 г. торговое соглашение с Великобританией. В ноябре 1920 г. правительство России подписало предварительные договоры о концессиях на Камчатке с синдикатом американского предпринимателя В.Б. Вандерлипа, а в следующем году с американской компанией Ф.Ф. Синклера о предоставлении той права на разведку и эксплуатацию нефти и других полезных ископаемых на территории Северного Сахалина. Эти соглашения о концессиях не были осуществлены.

Но сам факт возможного экономического сотрудничества России и США на Дальнем Востоке вызывал беспокойство японских правящих кругов, уже испытывавших определенное давление со стороны США в связи с экспансионистской политикой Японии в Китае и наращиванием японских морских вооружений. Это беспокойство усилилось, когда делегация ДВР во главе с А.А. Языковым отправилась в Вашингтон, где проходила конференция 9 держав по морским вооружениям и положению в Тихоокеанском бассейне. Делегация ДВР использовала свое пребывание в США для активной пропагандистской кампании против японской интервенционистской политики на российском Дальнем Востоке (кн.1, с.18–19).

В Токио вынуждены были считаться с появлением некоторых новых факторов в международной политике. В целях закрепления своих позиций на Дальнем Востоке, Япония пошла на переговоры с правительством ДВР, которые состоялись в Дайрене (Далянь) и продолжались с 27 августа 1921 г. по 16 апреля 1922 г. Возглавлял делегацию ДВР один из первых сотрудников Наркоминдела новой России, а в тот период министр внутренних дел ДВР Ф.Н. Петров. Делегация ДВР на первых же заседаниях заявила, что основным вопросом конференции является эвакуация японских войск с территории Приморья. Но японцы, не устанавливая срока ухода своих войск, потребовали скрыть все военные укрепления на российской границе, уничтожить российский военный флот в Тихом океане, признать свободу передвижения японских военнослужащих, предоставить японским подданным и гражданам ДВР равные права в области торговли и промышленности, сдать в аренду Японии на 80 лет северную часть острова Сахалин. Конечно, делегация ДВР не могла пойти на эти кабальные условия. Тем не менее, она продолжала переговоры. "К 30 марта между русской и японской делегациями было достигнуто полное соглашение по всем пунктам основного торгового договора, – говорилось в телеграмме делегации ДВР в НКВД. – Когда же на очередь стал вопрос о военном соглашении, японская делегация отказалась определить срок эвакуации своих войск и предложила формулу, которая дала бы возможность японцам продолжать интервенцию до бесконечности" (кн.1, с. 24). Переговоры были прерваны по инициативе японского правительства.

Анализируя создавшуюся ситуацию, министр иностранных дел ДВР Я.Д. Янсон писал 28 апреля 1922 г. в НКИД, что разрыв переговоров "расценивается нами как победа японской военщины над более миролюбивой японской буржуазией. Очевидно, японские милитаристы еще не отказались от надежд на возможность новых авантур по отношению к России" (кн.1, с. 27).

МИД ДВР направил в США, где находилась делегация ДВР, информацию о провале переговоров. Американская пресса в своем большинстве осудила действия японских властей.

Публикуемые документы показывают, что провал переговоров в Дайрене вопреки ожиданиям японцев только укрепил позицию ДВР. Этому способствовала возросшая роль и авторитет Советской России после ее участия в Генуэзской и Гаагской международных конференциях и установления дипломатических отношений с Германией. Заключение мира с Польшей позволило увеличить советскую помощь Народно-революционной армии ДВР, которая успешно теснила белогвардейские отряды, сотрудничавшие с интервентами.

Поэтому, когда Япония предложила возобновить переговоры, то в новых условиях правительство ДВР дало согласие на них, оговорив, что теперь переговоры должны вестись между Японией, с одной стороны, и ДВР и РСФСР – с другой. Такие переговоры состоялись с 4 по 26 сентября 1922 г. в Чанчуне (Китай). Однако, хотя многие вопросы были согласованы, японская сторона заявила о своем намерении поставить вопрос об эвакуации японских войск из оккупированного ею Северного Сахалина в зависимости от урегулирования так называемого "николаевского инцидента" 1920 г., когда будто бы погибло большое число "японских подданных". По этому поводу глава российской делегации А.А. Иоффе заявил, что погибли не только японские подданные: "Такие события имели место во время японской оккупации в Спасске, Николаевске, Владивостоке. Войска расстреливали русских мирных жителей" (кн.1, с.140). Однако японская сторона продолжала удерживать северную часть острова Сахалин.

Провал дипломатических переговоров не помешал Народно-революционной армии ДВР провести ряд успешных операций. После взятия Никольск-Уссурийска главнокомандующий Дальневосточной республики И.П. Уборевич, сменивший В.К. Блюхера, запросил разрешения правительства ДВР продолжать наступление на Владивосток. Такое согласие было дано, и 25 октября 1922 г. Народно-революционная армия вошла во Владивосток. В этот же день последние остатки японских и поддерживавших их белогвардейских формирований покинули город.

13 ноября 1922 г. открылась первая сессия Народного собрания ДВР второго созыва, на которой было принято решение: "1. Народное собрание ДВР объявить распущенным. 2. На всем русском Дальнем Востоке объявить власть Советов... 5. Создать соответствующий комитет, которому поручить провести в жизнь объединение Дальнего Востока с Советской Россией"².

16 ноября 1922 г. ВЦИК РСФСР постановил объявить Дальневосточную республику нераздельной составной частью РСФСР. Выступая на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. В.И. Ленин говорил: "Вы знаете, как долго тянулась гражданская война и сколько сил она взяла. И вот, взятие Владивостока показало нам (ведь Владивосток далеко, но, ведь, это город-то нашенький)"³.

Составители сборника, отмечает академик Г.Н. Севостьянов в своем предисловии, сумели дать большинство документов в виде своеобразных "пакетов", в основе каждого из которых лежит базовое постановление Политбюро ЦК. Сочетание хронологического принципа с базовым документом дает возможность осветить вопрос от его возникновения до решения, а иногда и пересмотра решения.

Действительно этот принцип позволяет легко выделить основные темы советско-японских отношений по соответствующим периодам, например, связанным с японской интервенцией на Дальнем Востоке, Дайренской конференцией ДВР с Японией, Чан-

² Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. М., 1974, с. 189–190.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 303.

чуньской конференцией ДВР и РСФСР с Японией, обсуждавшими вопрос об эвакуации японских войск с российской территории и различные стороны налаживания экономических отношений между двумя странами.

Уже 17 января 1923 г. заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан в письме в Политбюро ЦК РКП(б) отмечал: "Отношение к России и возобновление сношений с нами является в настоящее время центральным вопросом, который волнует японские общественно-политические и торгово-промышленные круги. ...Японское правительство... вынуждено искать контакта с нами... или, по крайней мере, создать иллюзию, что оно предпринимает необходимые шаги для возобновления сношений с Россией" (кн.1, с.156). В этой связи Карахан высказался против неофициальной поездки в Японию представителя СССР в Китае А.А. Иоффе.

Политбюро ЦК все же сочло полезным поездку Иоффе на лечение в Японию. Одновременно было дано поручение НКВД составить точную инструкцию Иоффе с указанием, что "он не должен заменять официальные переговоры" (кн.1, с.159). В сборник включен также проект письма Л.Д. Троцкого А.А. Иоффе от 2 февраля 1923 г., составленный по поручению Политбюро ЦК, о возможной продаже Северного Сахалина Японии. Однако нарком Чичерин в своей записке в Секретариат ЦК РКП(б) от 21 июня, ссылаясь на заключение военных, указал на громадное стратегическое и политическое значение Северного Сахалина. Он отметил, что японские правящие круги имеют план "обратить Японское море в свое внутреннее море", в результате чего "Китай и Россия будут отделены от Америки" (кн.1, с.198).

Касаясь вопроса продажи Северного Сахалина, Чичерин поднял сумму, упомянутую в письме Троцкого, более чем в десять раз (кн.1, с. 210). Очень скоро вопрос о продаже Северного Сахалина был снят. Но поскольку Иоффе уже говорил с японцами об этом, а также ввиду "несогласованности действий т. Иоффе с инструкциями Москвы", в том числе по поводу "необычных уступок" в российско-японских смешанных комиссиях о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов и посылки им инструкций руководящим лицам на Дальнем Востоке, "не согласовав их предварительно с НКВД" (кн.1, с.195, 197), он был отозван из Японии и освобожден 16 июля 1923 г. от обязанностей представителя РСФСР в Китае.

В сборнике подробно освещается, казалось бы, известное для историков событие, связанное с землетрясением в Японии в 1923 г., которое разрушило столицу Токио, порт Иокогама и другие города. Советские профсоюзы откликнулись на это актом солидарности, направив японским рабочим продовольственную и другую гуманитарную помощь на пароходе "Ленин". Об этом много тогда писалось в газетах. Но то, что японское правительство отказалось принять эту помощь и приказало команде парохода "Ленин" возвратиться во Владивосток, об этом из документов сборника подробно становится известным только теперь (кн.1, с. 223–231). Надо сказать, что этот инцидент непосредственно не повлиял на развитие советско-японских отношений, поскольку официальных отношений как таковых еще не было.

Но землетрясение значительно подорвало на какое-то время экономическое положение Японии и явилось побудительным мотивом к нормализации ее отношений с Советским Союзом. В то же время японское направление во внешней политике оставалось в центре внимания руководящих деятелей СССР. Начинался период нормализации отношений между двумя странами.

В сентябре 1923 г. в Пекин в качестве полпреда выехал Карахан для переговоров о нормализации отношений СССР с Китаем и установления с ним нормальных дипломатических отношений. Карахан, будучи до этого заместителем наркома иностранных дел, был в курсе всех нюансов советской дальневосточной политики. Подписав предварительный текст соглашения с Китаем 14 марта, он проявил инициативу в вопросе нормализации отношений с Японией, сказав как бы между прочим 17 марта 1924 г. японскому дипломату об отсутствии между нашими странами официальных отношений.

Буквально через два дня японский посол в Пекине К. Иосидзава откликнулся на этот шаг и уже 19 марта сообщил, что японское правительство решило признать советское правительство и инструктировало своего посла вступить в переговоры с советским пред-

ставителем в Пекине. Более того, посол сообщил в предварительном порядке основные пункты плана переговоров по нормализации советско-японских отношений. Такая быстрая реакция Токио на инициативу Карахана говорила о том, что там уже были готовы к возобновлению переговоров. Побудительным мотивом к этому послужили и некоторые шаги советского правительства, а именно закрытие 12 февраля 1924 г. японского консульства во Владивостоке, продолжавшего свою деятельность при отсутствии официальных отношений, а также раскрытие там в конце февраля японской шпионской организации. Кроме того, еще в конце января был прекращен почтовый обмен между СССР и Японией. Все эти меры отрезвляюще действовали на правящие круги в Токио.

Японский план не содержал для советской стороны чего-то принципиально нового. Нарком Чичерин в двух записках в Политбюро ЦК от 24 и 25 марта 1924 г. изложил свои соображения относительно японской инициативы. В результате рассмотрения этого вопроса Политбюро ЦК РКП(б) 27 марта 1924 г. приняло постановление о согласии на официальные переговоры через официальных лиц, но лишь на условиях:

"1) Признания нас Японией де-юре.

2) Согласия Японии на эвакуацию Северного Сахалина.

3) Отказ Японии от претензий по николаевским событиям.

4) Признания с нашей стороны предоставления льготных (но не безвозмездных) концессий для японцев.

5) Урегулирование вопросов о частных претензиях и о государственных долгах... на тех же основаниях, что и с другими государствами" (кн.1, с. 240).

В рамках данной статьи нет возможности проследить все перипетии советско-японских переговоров. Важно отметить, что 20 января 1925 г. была подписана в Пекине советско-японская Конвенция об основных принципах взаимоотношений, которая предусматривала установление дипломатических отношений между двумя странами. В проекте своего интервью, направленном членам Политбюро ЦК, Чичерин писал: "Советско-японское соглашение есть нечто гораздо более значительное, чем простое признание СССР еще одним правительством... Это не только начальный период дружественных отношений между народами СССР и Японией, это настоящий перелом во всей дальневосточной политике и в современной политике вообще... Это есть несомненное упрочение нашего положения на Дальнем Востоке" (кн.1, с. 322–323).

Одновременно следует особо подчеркнуть, что при подписании советско-японской конвенции об установлении дипломатических отношений была оглашена Декларация, согласно которой советское правительство, хотя и признавало на тот период действие несправедливого Портсмутского договора с Японией от 5 сентября 1905 г., по которому Япония захватила южную часть Сахалина, но это не означало, что правительство СССР "разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора"⁴. Именно эта декларация дала основание И.В. Сталину заявить 2 сентября 1945 г. после разгрома милитаристской Японии: "Сорок лет ждали мы, люди старшего поколения этого дня"⁵, когда были возвращены России Южный Сахалин и Курильские острова.

А тогда, в середине 20-х годов, руководству страны пришлось срочно решать многие вопросы советско-японских отношений: добиваться эвакуации японских войск с Северного Сахалина, вести трудные переговоры о заключении рыболовной конвенции, дававшей японским рыбопромышленникам право ловить рыбу в советских территориальных водах, а также о предоставлении Японии нефтяных и угольных концессий на территории Северного Сахалина.

В связи с установлением дипломатических отношений встал вопрос о назначении советского полпреда (посла) в Японию. Составители сборника включили интересный документ, письмо полпреда СССР в Австрии А.А. Иоффе, работавшего ранее в Китае и

⁴ Документы внешней политики СССР, т.VIII. М., 1963, с. 77.

⁵ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947, с. 205.

Японии, в Политбюро ЦК РКП(б) с просьбой о назначении его полпредом в Японию (кн.1, с. 332–336). Этот документ по своему уникален, поскольку он свидетельствует не только об отсутствии скромности у автора, но и о его чрезвычайной амбициозности: «В том, что я буду назначен в Токио, – писал он, – не сомневаются не только в других странах, но и в самой Японии... Не сомневаются в этом и в России... О моем назначении в Токио "говорит вся Москва"» (кн.1, с. 335).

Конечно, это письмо не удивит тех, кто имел возможность познакомиться с личной перепиской Иоффе с Лениным или Троцким, его выпадами против Чичерина ("не настоящий, мол, нарком"⁶) и его нетерпимостью в отношении возможных соперников⁷.

Однако японцы, узнав из газет о возможном назначении Иоффе в Токио, предприняли специальный демарш с целью предупредить Москву о нежелательности такого шага. Об этом нарком 17 февраля 1925 г. проинформировал Политбюро ЦК (кн.1, с. 343–344).

25 февраля 1925 г. постановлением Политбюро ЦК первым полпредом СССР в Японии был назначен В.Л. Копп, который по болезни проработал там недолго, но тем не менее приехавший в Москву японский посол Т. Танака в беседе с наркомом 13 июля 1925 г. говорил "о растущей популярности" в Токио первого советского полпреда (кн. 1, с. 348). Не задержался в Токио и другой полпред В.С. Довгалецкий, назначенный в марте 1927 г., а уже в октябре того же года уехавший полпредом во Францию.

И только назначение А.А. Трояновского в ноябре 1927 г., проработавшего в Японии шесть лет, прекратило эту полпредовскую чехарду. Но и в тот период кадровой сумятицы НКВД СССР постоянно ставил в своих записках в Политбюро вопросы всестороннего развития советско-японских отношений, начиная от статуса и деятельности торгпредства, развития двусторонней торговли и концессионной политики до проведения различных мероприятий по развитию научных и культурных связей (кн. 2, с. 30–34). 18 марта 1926 г. Политбюро приняло решение о подписании временного торгового соглашения с Японией.

Особое внимание в этот период уделялось переговорам по заключению рыболовной конвенции, в которой были заинтересованы не только японцы, но и советская сторона, стремившаяся предотвратить хищнический лов рыбы, краба и других продуктов моря в советских территориальных водах.

Уже 7 мая 1926 г. нарком Чичерин направил в Политбюро ЦК ВКП(б) записку с широкой программой мер по укреплению советско-японских отношений и созданию для японцев "атмосферы содружества и доброжелательности" в Хабаровске, Владивостоке, Николаевске и других городах. В этой записке предусматривались шаги по развитию общественных, культурных и научных связей. После рассмотрения его предложений на комиссии Политбюро, на которой они были конкретизированы и уточнены, было принято соответствующее развернутое постановление (кн. 2, с. 30–32).

Однако сотрудничество с Японией налаживалось трудно. Это объяснялось неудержимым стремлением японских правящих кругов к экспансии, которая подпитывалась быстрыми темпами индустриализации страны. В этом они видели, по словам советника посольства СССР в Токио Г.З. Беседовского, возможность избежать "тяжелых социальных конфликтов", а с другой – получить "экономическую базу в Китае", которую они могут даже при равенстве условий "завоевать легче других в силу своего специфического положения по отношению к Китаю". Отсюда вытекают коренные антагонизмы между Японией и остальными державами на Дальнем Востоке, особенно Англией (кн. 2, с. 72–74).

В другом своем письме Беседовский отмечал: "Япония боится, что в случае острого конфликта с Англией Соединенные Штаты воспользуются этим конфликтом для того, чтобы добить ее. При медленном же и постепенном вытеснении Англии из Китая Япония рассчитывает обеспечить себе сотрудничество американского капитала" (кн. 2, с. 88–89).

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 111.

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации, ф. 28/028.

Но расчеты японского правительства на эффективное сотрудничество с Англией и США не оправдались. Это показала Женевская конференция США, Великобритании и Японии по ограничению морских вооружений, проходившая с 20 июня по 4 августа 1927 г., которая окончилась провалом. В этих условиях в декабре 1927 г. в Москву прибыл влиятельный деятель Японии, президент японо-советского общества культурных связей виконт С. Гото. Он уже ранее бывал в СССР и немало сделал для нормализации советско-японских отношений. И на этот раз не без его участия была подписана 23 января 1928 г., а 7 мая ратифицирована рыболовная конвенция, переговоры о которой шли несколько лет (кн. 2, с. 244–250).

В состоявшихся беседах советских дипломатов с Гото и его секретарем К. Мори обсуждались различные вопросы советско-японских отношений. В одной из первых бесед Гото заявил заместителю наркома Карахану, что Япония не пойдет на заключение пакта о ненападении, ссылаясь при этом на свое нежелание "портить своих отношений с Англией и Америкой" (кн. 2, с. 183). В другом случае Мори жаловался, что "японская торговля с Китаем очень сильно пострадала в результате дезорганизации китайского рынка", вызванной революционным движением, на которое будто бы влияет СССР (кн. 2, с. 188–189). В этой связи он сказал: "В Японии сейчас существуют две тенденции: одна, симпатизирующая англо-саксонцам, другая – СССР" (кн. 2, с. 190). В промышленных кругах и среди более молодого поколения больше сторонников СССР, а чиновники и дипломаты – за первую тенденцию.

В сборник включены интересные документы о том, что в Японии "имеются серьезные деловые люди, желающие завести на советской территории рисовые плантации". Об этом говорил с Чичериным японский посол в Москве Т. Танака (кн. 2, с. 7). Этот же вопрос поднимал виконт Гото и его секретарь Мори. В беседе с наркомом 8 января 1928 г. Мори утверждал: "Японский народ погибает вследствие избыточного населения, в то время как в советском Приморье производительные силы не развиваются должным образом вследствие отсутствия подходящих рабочих сил" (кн. 2, с. 206). Эти сентенции свидетельствовали о наличии в Японии в то время определенных настроений, схожих с гитлеровским требованием "жизненного пространства".

Японские экспансионистские тенденции проявлялись и в переговорном процессе и в последующей реализации достигнутых соглашений. В 1929–1931 гг. советская сторона была вынуждена ввести некоторые ограничительные меры как в отношении японских рыбопромышленников, так и концессионеров.

В двух книгах сборника содержатся 254 документа. Все они несут большую смысловую нагрузку, поскольку адресованы в высшие партийные и правительственные инстанции. Многие из них направлялись лично Сталину. Впервые в сборнике публикуются стенограммы заседаний комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских нефтяных и угольных компаний об условиях получения ими соответствующих концессий (кн. 1, с. 351–402).

Составителям сборника и авторам примечаний и комментариев удалось отразить сложную атмосферу переговоров с Японией на разных уровнях, а также отнюдь не механическое штампование решений в 20-е годы в партийных и советских органах, когда советские дипломаты и политики еще могли "иметь свое мнение". В этом отношении документы сборника полезны всем тем, кто занимается или интересуется историей советско-японских отношений. Эта история очень поучительна.

Как справедливо отметил в предисловии к сборнику академик Г.Н. Севостьянов, "японская сторона является тяжелейшим переговорщиком для России, способным вести бесконечно долгие и изматывающие переговоры". Ныне наши дипломаты уже убедились в этом, ведя более полувека переговоры о заключении мирного договора с Японией. Но это не мешает поступательному развитию российско-японских отношений, особенно в торгово-экономической области, а также регулярным визитам российских государственных деятелей в Японию, в том числе и на самом высоком уровне.